

Смирнова Анна Сергеевна

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
asmirnova@spb.iling.ru

Специфика употребления местоименной пары *сей — оный* в сочинениях М. В. Ломоносова

Для цитирования: Смирнова А. С. Специфика употребления местоименной пары *сей — оный* в сочинениях М. В. Ломоносова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (3): 609–620. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.311>

В статье на материале Национального корпуса русского языка и особенно на материале наследия М. В. Ломоносова рассматривается местоименная пара *сей — оный*, зафиксированная в исторических словарях и описанная в грамматиках и картотеке Словаря русского языка XVIII века. В церковнославянском и древнерусском языке эти местоимения употреблялись как в собственно дейктической, так и в заместительной (анафорической) функции. Местоименная пара *сей и оный* во фразе или периоде указывает на сопоставление или противопоставление объектов, а местоимения употребляются в заместительной функции. Пристальное внимание к местоимениям *сей и оный* в сочинениях и переводах Ломоносова позволяет заметить одну не зафиксированную в словарях и грамматиках особенность употребления этой пары в анафорической функции: местоимение *сей* замещает последнего (ближайшего) упомянутого, а *оный* соответственно первого, упомянутого ранее. Единичные примеры такого употребления обнаруживаются также в переводных текстах церковнославянского и старорусского корпусов (например, в переводе, выполненном И. Кречетовским, «О должности человека и гражданина» (С. Пуфендорф) и др.). В корпусе текстов М. В. Ломоносова обнаруживаются подобные примеры не только в его переводных работах, но и в автопереводах, и в собственно русских сочинениях (в прозе и поэзии). Как показывают примеры, на развитие употребления местоименной пары *сей — оный* в текстах Ломоносова оказало влияние употребление местоименной пары *hic — ille* в классической латыни. Заимствуя и развивая латинскую модель употребления местоимений, в частности Ломоносов стремился сочетать русскую языковую стихию с латинской, таким образом показывая родство русского языка с древним и их культурное равенство.

Ключевые слова: Ломоносов, синтаксис, история русского языка, латинский язык, местоимения.

Употребление местоимений *сей и оный* характерно как для церковнославянских, так и для древнерусских и старорусских текстов. В старославянском *сѣ* и *онѣ* являлись эквивалентами греческих *οὗτος* и *ἐκεῖνος* [LLP: 3, 545; 4, 374, ср. Večerka 1993: 55 § 14, 2] и указывали соответственно на близкий предмет и на отдаленный¹.

¹ Система трех степеней удаленности в старославянском языке, выражаемая сначала указательными местоимениями (*сѣ, тѣ, онѣ*), свелась впоследствии к системе двух степеней удаленности (*сѣ, онѣ*) [Вайан 1952: 168–169; Večerka 1993: 52–54; Борковский, Кузнецов 2006: 221].

Присутствие этой местоименной пары в системе языка засвидетельствовано первыми грамматиками: в переводе «Ars Minor» Элия Доната, выполненном Дм. Герасимовым («Донатус», 1522) [Ягич 1885–1895: 837]; у М. Смотрицкого («Грамматика Славенския правильное синтагма», 1619) [Кузьминова 2000: 258]; в грамматике Ф. Максимова «Грамматика славенская» [Максимов 1723: 27] и др. У этих авторов отмечается употребление *сей* и *оный* в дейктической и анафорической функции (указание на упомянутое лицо или предмет) (ср. [Кузьминова 2012: 387]). У Л. Зизания («Грамматика словенская», 1596) оба местоимения отнесены к указательным [Кузьминова 2000: 72]. В первых грамматиках русского языка отмечается употребление одного или обоих из рассматриваемых местоимений наряду с парой *этом* — *тот*. Например, в “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” (1731) В. Е. Адодурова: «...этот *dieser*, тот *jener*, *сей* *dieser*, *оный* *jener*» [Адодуров 2014: 78–79]; в «Российской грамматике» М. Гренинга (1750): «...*сей*, *этот*, *thenne*, *той*, *then*» [Unbegaun 1969: 118]. В «Российской грамматике» (1755) М. В. Ломоносова [Ломоносов 1952: 540] и в грамматике «славено-русского языка» Аполлоса (Байбакова) [Аполлос 1794: 44] *сей* — указательное местоимение (к этому же разряду отнесены личные местоимения *аз* и *ты*), *оный* — возносительное (то есть анафорическое). В конце XVIII в. «Словарь Академии Российской» называет оба местоимения указательными [САР, ч. 5, стб. 406; ч. 4, стб. 634].

Двоякую функцию местоимений *сей* и *оный* в языке XVIII в. демонстрирует следующий пример из «Описания в начале 1744 года явившаяся кометы» (1744) М. В. Ломоносова :

- (1) Помянутые обстоятельства **сея** кометы довольно познаются чрез астрономические способы, ибо **оную** в приближении к точке наименьшего ее расстояния от Солнца и, может быть, в отдалении от **оного**, потом воследовавшем, высмотреть можно было [Ломоносов 1950–1983, т. 4: 10].

Сей выполняет здесь дейктическую функцию; *оный* оба раза употреблено в заместительной функции (личного местоимения 3 л.)³.

Постоянно пополняемые Национальный корпус русского языка [НКРЯ] и картотека XVIII в., хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН, содержат обширный материал, отражающий употребление этих местоимений в церковнославянских и старорусских текстах. Исследовав 31 534 примера в 2100 (по приблизительному подсчету) документах и все примеры употреблений, отраженные в картотеке XVIII в., мы обратили внимание на некоторые особенности парного употребления местоимений *сей* и *оный* и функционирование этой пары на уровне синтаксиса предложения и в структуре текста.

Заметным и частотным примером противопоставления объектов и понятий с помощью указательных местоимений *сей* и *оный* выступают устойчивые сочетания *сей век (свет)* и *оный век (свет)*, соответствующие современным *этот век (свет)* и *тот век (свет)*:

² Тексты цитируются в упрощенной орфографии, как в цитируемом источнике.

³ О двояком характере употребления местоимений *сей* и *оный* в древнерусском языке и русском языке XVIII в. см. в исторических словарях [СлРЯ XI–XVII, вып. 12, 377–378, СлРЯ XI–XVII, вып. 24, 35–36; СлРЯ XVIII, вып. 17, 5].

- (2) ...в **семь** вѣще злую смерть восприяша, во **оном** же праведный Судия вѣсть, иже воздасть комуждо по дѣломъ ихъ (Житие царевича Димитрия Угличского (1645–1655)⁴).
- (3) Тако Господь Бог чистоту телесную сохраняющих и на **сем** свете милует; колми же паче помиловани будут на **оном** свете, ибо будут у самого престола Божия служити! (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718–1725))
- (4) ...и егда уже Господь обещался прославляющаго Его прославити, то уже и на **сем** свете и на **оном** прославлени будете (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718–1725)).

В приведенных примерах оба местоимения выполняют дейктическую функцию, существительное не всегда повторяется при втором местоимении (*сей век — оный; сей свет — оный*). Эта идиома зафиксирована в исторических словарях [СлРЯ XVIII, вып. 17: 5] (см. также: [СлРЯ XI–XVII, вып. 12: 377]).

Наряду с этим мы обнаруживаем множество примеров использования данных местоимений применительно к мирским реалиям, таких как:

- (5) А ныне, яко **сию** отпись на нынешнюю епистолию твою, так и **оною**, на широковещательный листъ твой прежний, посылаю ко величеству высоты твоя (Андрей Курбский. Третье послание Курбского Ивану Грозному (1577–1583)).
- (6) ...ибо тогда **сѣи** жители на **оныхъ**, а **онѣи** на **сихъ** ниже посмотрѣли бы («Слово похвальное о флотѣ россійскомъ» (1720) [Прокопович 1761: 52]).

Также, например, в Словаре русского языка XI–XVII вв. для новгородского диалекта зафиксированы устойчивые сочетания *сия сторона* (т. е. левобережная укрепленная часть Новгорода, «кромный» город) и *оный пол* (т. е. торговая часть правобережного Новгорода) [СлРЯ XI–XVII, вып. 24: 35].

Парное использование *сей* и *оный* в качестве личных местоимений 3 л. известно как в старославянских [LLP: 3, 545, sub voce онъ; 4, 374, sub voce съ, 1 b], так и в древнерусских текстах, сохраняется оно и в литературе XVIII в., причем в большинстве случаев речь идет о переводах с греческого или латинского языка (пара *сей — оный* передает в них употребленные в той же функции *οὗτος — ἐκεῖνος* или *hic — ille*).

- (7) Ζωσίμα же бѣ имя старцу томѹ, (и да не мнить ктѹ, якѹ оный здѣ бѣ Ζωσίμα еретикъ, аще и обоимъ имя едино есть: **оный** бо словламень бѣ и чуждъ цркви, **сей** же православенъ и праведенъ) (Жития святых. 1 апреля: Житие преподобной Марии Египетской).

(греч.) Ζωσιμᾶς ἦν ὄνομα τοῦτῳ τῷ γέροντι. Καὶ μὴ τις τῆ ἐπιωνυμία, νομισάτο με ἐκεῖνον λέγειν τὸ Ζωσιμᾶν, τὸν ἐν δόγμασί ποτε διαβληθέντα ὡς ἐτερόδοξον· ἄλλος γὰρ **οὗτος**, καὶ ἄλλος **ἐκεῖνος**, καὶ πολὺ τὸ μεταξὺ τῶν δύο τὸ διάφορον, εἰ καὶ μίαν ἐκέκτηντο τὴν προσηγορίαν ἀμφοτέροι [Migne 1863: 3699].

(лат.) Zosimas nomine, aetate senex. Nemo autem appellationi soli inhaerens, sermonem mihi existimet esse de eo Zosima, qui circa doctrinam lapsus, minus recte sapuit: alius enim **hic**, et **ille** alius; multumque differunt inter se, quamvis nomenclaturam ambo eamdem sortiti [Migne 1863: 3700].

⁴ Здесь и далее в круглых скобках указаны источники, цитируемые по НКРЯ.

При этом немаловажно обратить внимание на референциальные особенности употребления *сей* и *оный* — какой (по порядку) из упомянутых в тексте объектов они замещают. В приведенном примере из жития Марии Египетской *оный* относится к Зосиме-еретику, упомянутому вторым, а *сей* — к Зосиме-старцу, названному первым; причем последовательность имен и замещающих их местоимений образует хиазм.

Приведем также несколько примеров пары *сей* — *оный*, содержащихся в текстах высокого стиля XVIII в.:

- (8) я не могу надѣяться ни **сего**, ни **онаго** [Фенелон 1724: 45].
- (9) ...борьба то воистинну была любве и смерти, егда и **сія** и **оная** на едину особу равнѣ нападеніе сотворили («Слово похвальное въ день Святыя Великомученицы Екатерины» (1717) [Прокопович 1760: 225]).
- (10) Как человек из двух разных свойств, т.-е. души и тела, состоит, так его и науки по свойствам **оных** разделяются, но понеже телесныя наипервее начинаются, того ради о **сих** прежде скажу, а **оними** заключу [Татищев 1887: 76].

В последнем примере мы определенно видим, что местоимение *сих* замещает упомянутый последним объект (то есть «телесные свойства»), тогда как *оними* представляет «свойства души» — первый член противопоставления: фраза о *сих* прежде скажу, а *оними* заключу означает сначала скажу о телесных свойствах, а потом — о душевных (то есть соответствие референтов обратно тому, которое мы видели в примере 7)⁵.

Такую же соотнесенность мы обнаруживаем в употреблении этой пары местоимений в переводе трактата С. Пуфендорфа (*оный* заменяет объект, упомянутый в предшествующем предложении первым, а *сей* — объект, названный вторым, последним):

- (11) Законъ по еліку надлежитъ до законодавца, раздѣляется на БОЖІИ И ЧЕЛОВѢЧЕСКІИ. **Онѣи** отъ БОГА, **сеи** отъ человѣка дается [С. Пуфендорф⁶ 1726: 54].

В Словаре русского языка XVIII в. данная особенность значения местоимения *оный* при употреблении в паре с *сей* не комментируется (сказано лишь, что оно «указывает на предмет, лицо (при сопоставлении, противопоставлении с местоимениями *сей*, *тот*)» и означает *другой* [СлРЯ XVIII, вып. 17: 5]).

Как было отмечено выше, такая синтаксическая конструкция — сопоставление (или противопоставление), выраженное с помощью местоимений *сей* и *оный*, — была характерна прежде всего для переводных сочинений. Эту мысль косвенно подтверждает исследование А. П. Майорова, также посвященное истории указательных местоимений, из которого можно заключить, что в оригинальных русских памятниках деловой письменности эта местоименная пара не употреблялась [Майоров 2004].

⁵ Отметим, что большая часть сочинения В. Н. Татищева «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» является переводом разных фрагментов статей из словаря И. Г. Вальха [Walch 1726: 2918, 2254].

⁶ Перевод сочинения выполнен И. Кречетовским [Круглов 2011: 4].

Среди авторов XVIII в., в чьих текстах мы обнаруживаем пару *сей* — *оный* в анафорической функции, особенно заметен Ломоносов, на сочинения которого приходится большинство употреблений, как учтенных в картотеке Словаря русского языка XVIII в., так и обнаруживаемых в НКРЯ и с помощью иных ресурсов. В полном собрании сочинений М.В. Ломоносова мы обнаруживаем 25 случаев использования этой пары, при этом местоимение *сей* всего употреблено им (как в анафорической, так и в дейктической функции) 6082 раза, *оный* — 3276 раз. Следует иметь в виду, что Ломоносов известен не только как автор оригинальных сочинений на русском языке, но и как переводчик — с латинского на русский и с русского на латинский. Употребление рассматриваемой местоименной пары зафиксировано в русских текстах всех трех типов, что позволяет соотнести семантические и синтаксические особенности использования этих местоимений с их латинскими соответствиями и оценить возможное влияние латыни на язык прозы и поэзии Ломоносова.

Изучение всех употреблений пары *сей* — *оный* в опубликованных текстах Ломоносова показало, что *оный* регулярно замещает первый из упомянутых объектов, а *сей* — названный вторым. Обзор примеров мы начнем с переводного текста, включенного в «Риторику», затем рассмотрим новолатинские автопереводы в параллели с русским оригиналом и, наконец, обратимся к текстам, имеющимся только на русском языке.

Так, в эпиграмме английского гуманиста Дж. Оуэна «Coeus & Surdus» («Слепой и глухой»), переведенной Ломоносовым, упомянутые в заглавии действующие лица сразу выражены местоимениями *hic* и *ille*: исходя из контекста, мы понимаем, что под *hic* подразумевается *глухой* (названный последним), а под *ille* — *слепой* (названный первым):

(12) Coeus & Surdus

Cur oculis pollet magis **hic**, magis auribus **ille**?

Hic oculis audit, auribus **ille** videt [Owen 1612: 80].

Заметим, что в популярном риторическом учебнике М. Радау эта эпиграмма приводится с некоторыми изменениями: автор как бы поясняет содержание первого стиха (непонятное без заголовка), заменяя местоимения на замещаемые ими субстантивированные прилагательные:

(12a) Cur oculis pollet surdus, caecusque quid aure;

Ille oculis audit, auribus **iste** videt [Radau 1683: 46].

Во втором стихе местоимение *ille* указывает на упомянутого первым (глухого), а *iste* — на второго (слепого).

Текст Радау в данном случае, как и в некоторых других (см.: [Костин, Николаев 2013]), был непосредственным источником перевода Ломоносова, приведенного в риторическом руководстве в качестве примера «витиеватой речи». Ломоносов не сохранил форму элегического дистиха и передал его текст прозой, при этом изменив очередность упоминаемых субъектов:

(12б) Для чего слепой лучше прочих слышит, глухой лучше видит? для того, что **оный** ушью видит, а **сей** глазами слышит [Ломоносов, т. 7: 207].

Как и в рассмотренных выше текстах Татищева и Пуфендорфа, местоимение *сей* замещает здесь последнего, ближайшего упомянутого (т.е. глухого), *оный* — упомянутого ранее (т.е. слепого).

Заметим, что местоименная пара *ille* — *iste*, использованная Радау, не была характерна для латыни классического периода⁷, в которой в качестве стандартной использовалась пара *hic* — *ille*. Несмотря на то, что в текстах поздней латыни в той же функции засвидетельствованы и другие пары местоимений (*iste* — *ille*, *alius* — *alius*, *ille* — *iste*), в собственных латинских сочинениях Ломоносов ориентировался на классическое словоупотребление (как это было принято у большинства авторов раннего Нового времени [Knight, Tilg 2015: 19–23]):

- (13) Ad **hos** enim debellandos unius aestatis curriculum, ad **illos** vero opprimendos una nox sufficit [“Panegyricus” (1748), Ломоносов, т. 8: 262].

Ср.:

Сии побеждены в едино лето, а **оные** в едину ночь низвержены [Ломоносов, т. 8: 243].

В переводах Ломоносова собственных сочинений с русского на латынь русско-му местоимению *сей* (упомянутый последним из двух) соответствует латинское *hic*, а *оный* (упомянутый первым, то есть раньше) передается местоимением *ille*.

- (14) Что в человеческом обществе нужнее есть употребления разных махин и знания внутренняго вещей сложения? **Сие** (упомянутое вторым — *hanc*. — А. С.) открывает Химия, Механика **онья** (упомянутые первыми — *illas*. — А. С.) составляет [Ломоносов, т. 8: 253].

Ср.:

Quid fructuosius in republica machinarum usu, et cognitione interioris corporum mixtionis? **Hanc** recludit Chymia, Mechanica **illas** componit [Ломоносов, т. 8: 270].

- (15) Познав широту и время на месте корабля, ищут долготы двумя между собою различными путями: один — механический, другой — астрономический. **Сим** (этим вторым — *haec*. — А. С.) — по сравнению разного положения звезд, **оним** (тем первым — *illa*. — А. С.) — по самым как возможно верным морским часам разность меридианов познавать стараются [Ломоносов, т. 4: 127].

Ср.:

Cognita latitudine atque tempore in loco navis investigatur denique longitudo, et quidem duabus viis inter se diversis. Altera est mechanica, astronomica altera. **Haec** (второй. — А. С.) comparatione situs astrorum, **illa** fidelissimo, quam fieri potest, horologio ad meridianorum differentiam cognoscendam ducit [Ломоносов, т. 4: 192].

Иногда Ломоносов не воспроизводит в точности пару *сей* — *оный* в автопереводе:

⁷ В классической латыни местоимения *ille* — *iste* указывают на противоположаемые, а не сопоставляемые пары [OLD: sub voce *iste*, 971 A 4]: *auribus ista tam praeclara exempla Romana ciuitas accepit, illa udidit oculis*, т.е. «римляне слышат об одних славных примерах, но видят другие»; *laudant illa sed ista legunt* «хвалят одно, читают другое» [OLD: 972 B 5].

(16) Следовательно, в **сем** месте все тела легче, нежели в **оном** [Ломоносов, т. 4: 169].

Ср.:

Unde in t omnia corpora esse debent leviora, graviora autem in s [Ломоносов, т. 4: 282].

Также пара *сей* — *оный* в анафорической функции употребляется (в том числе, в сложноподчиненных предложениях со значением причины и цели) в собственно русских сочинениях Ломоносова (в тех случаях, когда у нас нет оснований предполагать использования им иноязычного источника). При этом значение местоимений в этой паре сохраняется то же, какое мы видели в переводах с латыни: *оный* обозначает то, что упомянуто первым, а *сей* — упомянутое последним. Эта местоименная пара может располагаться параллельно или образовывать хиазм с последовательностью предметов, которые она замещает, например:

(17) ...на лапландском берегу приливы больше, нежели в Норвегии и на западных берегах Новья Земли, затем что **оный** (т. е. лапландский берег, упомянут первым. — А. С.) стоит в упор океанскому течению, а **сии** (т. е. берега Новой Земли, упомянуты вторыми. — А. С.) вдоль протянулись [Ломоносов, т. 6: 467].

В этом примере местоимения располагаются параллельно замещаемым ими объектам: сначала «оный», затем «сии». Ср. также:

(18) Злой и глупый богач одним путем ходят: **оный** (злой, первый в тексте. — А. С.) хотя добро сделать умеет, однако не хочет, а **сей** (глупый, упомянутый вторым. — А. С.) хотя и хочет, но не умеет [Ломоносов, т. 7: 208].

В следующем примере можно наблюдать хиазм: *сей* сохраняет свое значение, но становится перед местоимением *оный*:

(19) Фридерик-цесарь несчастливее был в реке Цидне, нежели Александр Великий, ибо **сей** (т. е. Александр, упомянутый вторым. — А. С.), умывшись в ней, только разболелся, а **оный** (т. е. Фридрих, упомянутый первым. — А. С.) живота лишился [Ломоносов, т. 7: 108].

Местоименная пара *сей* — *оный* обнаруживается не только в научных, исторических, риторических, но также и в поэтических текстах Ломоносова:

(20) Какою силою в единстве облекутся,
Владимир нам пример и храбрый Мономах.
Сей, вредные своей земли отмстив набеги,
Лавровым верьх венцем и Царским увенчал,
А **оный**, здешние покрыв полками бреги,
Супругу в сих стенах и веру восприял [Ломоносов, т. 8: 320].

В этом поэтическом примере повествуется о двух князьях Владимирах: Владимире, при котором произошло крещение Руси (*оный*, упомянутый первым), и его правнуке Владимире Мономахе (*сей*, второй в тексте). В поэзии особенно заметно, что конструкция с местоимениями, употребленными в такой последовательности, напоминает орех, сердцевину которого образуют второй, последний упомянутый и замещающее его местоимение, а скорлупу — первый упомянутый и относящееся к нему местоимение, помещенное в конец периода.

- (21) Изю всего предреченного довольно явствующей, свыше влиянной Ему премудрости споспешествовало Его Геройское мужество: **оною** (премудростью, упомянутой первой. — А. С.) удивил вселенную, **сим** (мужеством — упомянутым вторым. — А. С.) устрасил противных [Ломоносов, т. 8: 607].

В тех случаях, когда сопоставляемые объекты или понятия выражаются существительными разного грамматического рода, нетрудно догадаться, какие именно слова замещают местоимения, в других случаях для уточнения их референта необходимо знать исторический или естественнонаучный контекст:

- (22) ...на восточном канинском берегу воды ниже, нежели на западном, ибо на **сей** (т. е. западный. — А. С.) воды доходят от лапландского берегу по первом отвороте, а на **оный** (т. е. восточный. — А. С.) по вторичном, от Новой Земли [Ломоносов, т. 6: 467].
- (23) Показав единство с пруссами россов и **сих** (упомянутых вторыми. — А. С.) перед **онными** (упомянутыми первыми. — А. С.) преимущество, должно исследовать поколение, от какого народа обои происходят [Ломоносов, т. 6: 208].

Имеется также пример употребления пары *сей — оный* при сопоставлении не двух, а трех объектов:

- (24) Удивительно покажется, ежели кто подумает о разности климатов и о разности растворения теплоты и стужи в Санктпетербурге, в Москве и в Киеве, ибо **сей** (т. е. Киев — последний. — А. С.) на 50, а **оный** (т. е. Санкт-Петербург, упомянутый первым. — А. С.) на 60 градусов склоняясь в полночь от экватора, Москву имеют на половину своей разности, то есть на 55 градусах, почему должно бы в Москве быть зиме посредственной между санктпетербургскою и киевскою [Ломоносов, т. 5: 536].

В данном случае грамматический род городов подсказывает, что сопоставляются Петербург и Киев (и местоименная пара замещает названия городов в характерной для текстов Ломоносова последовательности), Москва не заменяется местоимением.

Изучение употребления пары *сей — оный* в сочинениях Ломоносова позволяет сделать вывод, что при противопоставлении или сопоставлении двух предметов или лиц семантика этих местоимений и образуемая ими конструкция фразы и периода соответствуют особенностям употребления пары *hic — ille* в классической латыни (соответствующей греч. ὁ μὲν — ὁ δὲ и появившейся в латинском языке в эпоху Августа [Stolz 1928: 475–476])⁸. Учитывая редкость этой конструкции как в древнерусских текстах, так и у авторов XVIII в. и абсолютное преобладание переводных текстов среди засвидетельствованных ее примеров, можно предположить, что ломоносовское словоупотребление также первоначально ориентируется на иноязычный образец. Однако Ломоносов активно распространил ее использование и на собственные русскоязычные сочинения (в переводных — 5 случаев употребления, в автопереводах — 8 и в собственных русских сочинениях — 12).

⁸ Особо выделено также употребление пары *hic — ille* в словаре латинского языка: [OLD: 794, sub voce *hic* (7); OLD: 827, sub voce *ille* (A 6; B 16)].

В качестве возможных источников влияния на употребление этих местоимений в творчестве Ломоносова мы не можем абсолютно исключить греческий и старославянский языки, однако доказать влияние того или другого из них труднее, тогда как латинские сочинения Ломоносова и его переводы с этого языка демонстрируют наглядные примеры; кроме того, следует заметить, что Ломоносов не владел греческим и церковнославянским активно, в отличие от латыни, что также позволяет считать предпочтительной рассмотренную нами версию.

Согласно ломоносовской теории о стилях, каждый стиль должен обладать характерным набором лексики: первый (высокий) состоит из «речений «славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях»; второй (средний) стиль — из слов, «больше в российском языке употребительных», при этом, добавляет Ломоносов, «некоторые речения славенския, в высоком штиле употребительные», а также «низкие слова» с осторожностью могут быть использованы и в среднем стиле; третий (низкий) стиль состоит из «простонародных низких слов» [Ломоносов 1952: 589–590]. Рассматриваемая нами пара местоимений встречается в филологических, исторических, естественнонаучных и поэтических сочинениях Ломоносова; таким образом, эта конструкция, вероятно, признавалась им как универсальная или нейтральная.

Языковая программа Ломоносова, изложенная в «Российской грамматике» (1757 г.), в отрывке «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (1756 г.) и в сочинении «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758 г.), была направлена на извлечение лексикологической «пользы» из церковнославянского языка и гармоничное сочетание двух языковых стихий. Как видим, заимствуя и развивая латинскую модель употребления указательных местоимений, Ломоносов стремился сочетать и третью языковую стихию, латинскую, для формирования гармоничного и современного языка. Подобное явление в старорусском письменном языке развивалось с конца XVII в., оно было описано Н. А. Мещерским как «синтаксическая индукция»: язык с более развитым синтаксическим строем влияет на функционирование новых синтаксических возможностей языков периферии [Мещерский 1995: 20]. В контексте культурного импорта XVIII в. наблюдаемое в языке Ломоносова явление можно обозначить термином *translatio grammaticae*, по аналогии с более универсальным *translatio studii*, характерным для программы преобразований Петра I.

Впрочем, в дальнейшем использование данной пары местоимений оказалось непродуктивным на фоне постепенного ухода из активного употребления местоимений *сей* и *оный*, не только в анафорической, но и в дейктической функции⁹. Славянизированный слог казался жестким для слуха карамзинистов, и лексические славянизмы подверглись осуждению [Успенский 2008: 34–36], при этом по отдельности местоимения *сей* и *оный* продолжают употребляться и теперь в стилистически-окрашенных текстах¹⁰.

⁹ См. статью Л. Г. Чапаевой, которая рассматривает историю местоимений *сей* и *оный* в контексте языковых и культурных процессов XVIII–XIX в. [Чапаева 2017].

¹⁰ См.: [БАС 1950–1965, т. 8: стб. 871–872; БАС 1950–1965, т. 13: стб. 573; Шведова 1980: 540, §1297; Плунгян 2018: 67; БАС 2004–2019, т. 13: 716].

Словари и справочники

- БАС 1950–1965 — *Большой академический словарь*. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во Акад. наук, 1950–1965.
- БАС 2004–2019 — *Большой академический словарь*. Т. 1–26. М.; СПб.: Наука, 2004–2019.
- САР — *Словарь Академии Российской, производным путем расположенный*. Ч. I–VI. СПб.: При Имп. акад. наук, 1789–1794.
- СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.
- СЛРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–6. Л.: Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 7–22. СПб.: Наука, 1992–2019.
- Шведова 1980 — *Русская грамматика*. Шведова Н. Ю. (ред.). Том I. М.: Наука, 1980. 788 с.
- LLP — *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae*. Kurz J. (hlavní red.). Т. 1–4. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1958.
- OLD — *Oxford Latin Dictionary*. Glare P. G. W. (ed.). Oxford: At the Clarendon Press, 1968.
- Walch 1726 — Walch J. G. *Philosophisches Lexicon*. Leipzig: Gleditsch, 1726.

Источники

- Адогуров 2014 — Василий Евдокимович Адогуров. “Anfangs-Gründe der Russischen Sprache”, или «Первые основания русского языка». Филиппов К. А., Волков С. С. (отв. ред.). А. А. Ветушко-Калевич, С. С. Волков [и др.] (сост.). СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. 256 с.
- Аполлос 1794 — Аполлос (Байбаков). *Грамматика руководствующая к познанию славено-русского языка*. Соч. Епископом Аполлосом. Киев: Тип. Киевопечерской Лавры, 1794. 168 с.
- Круглов 2011 — Круглов В. М. *Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному*. В 2 т. Т. I. Текст перевода. СПб.: Нестор-История, 2011. 214 с.
- Кузьминова 2000 — *Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*. Кузьминова Е. А. (сост.). М.: Изд-во МГУ, 2000. 528 с.
- Ломоносов 1950–1983 — Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. В 11 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1983.
- Максимов 1723 — Максимов Ф. *Грамматика славенская вкратце собранная в грекославенской школе также в великом Нове граде при доме Архиепископском*. СПб.: Тип. Александро-Невского монастыря, 1723. 237 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. http://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (дата обращения: 10.03.2020 г.).
- Прокопович 1760 — *Феофана Прокоповича архиепископа Слова и речи*. Ч. I. СПб.: При Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1760. 320 с.
- Прокопович 1761 — *Феофана Прокоповича архиепископа Слова и Речи*. Ч. II. СПб.: При Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1761. 256 с.
- Пуфендорф 1726 — Пуфендорф С. *О должности человека и гражданина*. Кречетовский И. (пер.). СПб.: С.-Петербург. тип., 1726. 537 с.
- Татищев 1887 — Татищев В. Н. *Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ*. Нил Попов (предисл. и указ.). М.: В универ. тип., 1887. 171 с.
- Фенелон 1724 — Фенелон Ф. *Похождение Телемаково*. Хрущев А. Ф. (пер.). СПб.: Имп. акад. наук, 1724. 285 с.
- Migne 1863 — *Patrologiae cursus completus*. Accurante J.-P. Migne. Parisiis: apud J.-P. Migne, 1863. Т. 87 (pars 3). 478 p.
- Owen 1612 — *Epigrammatum Ioannis Owen Cambro-Britanni, Oxoniensis. Libri decem*. Elbingae: Wendelini Bodenhausen, 1612. 325 p.
- Radau 1683 — Radau M. *Orator extemporaneus, siue artis oratoriae breuiarium bipartium*. Venetiis: Sump-tibus Combi & Lanovii, 1683. 463 p.

Литература

- Борковский, Кузнецов 2006 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. *Историческая грамматика русского языка*. М.: КомКнига, 2006. 512 с.

- Вайан 1952 — Вайан А. *Руководство по старославянскому языку*. Бородич В. В. (пер.). М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 447 с.
- Костин, Николаев 2013 — Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау). *Чтения отдела русской литературы XVIII в.* 2013, (7): 41–53.
- Кузьмина 2012 — Кузьмина Е. А. *Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв.* М.: МАКС Пресс, 2012. 467 с.
- Майоров 2004 — Майоров А. П. Указательные местоимения *сей, тот, оной, этот* в деловом языке XVII–XVIII вв. *Русский язык в научном освещении*. 2004, 2 (8): 224–239.
- Мещерский 1995 — Мещерский Н. А. *Избранные статьи*. Мещерская Е. Н. (отв. ред. и сост.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. 367 с.
- Плунгян 2018 — *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Плунгян В. А., Стойнова Н. М. (ред.). Вып. III. СПб.: Нестор-История, 2018. 472 с.
- Успенский 2008 — Успенский Б. А. *Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и литературы*. М.: Индрик, 2008. 608 с.
- Чапаева 2017 — Чапаева Л. Г. Споры о местоимениях *сей* и *оний* как факт истории русской культуры и литературного языка XVIII–XIX вв. *Slověne*. 2017, (2): 347–364.
- Ягич 1885–1895 — Ягич И. В. *Исследования по русскому языку*. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1885–1895. 1067 с.
- Knight, Tilg 2015 — Knight S., Tilg S. (ed.) *The Oxford Handbook of Neo-Latin*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 614 p.
- Stolz 1928 — Stolz F., Schmalz J. H. *Lateinische Grammatik. Laut- und Formenlehre. Syntax und Stilistik*. Leumann M., Hofmann J. B. (neu bearbeitet). München, 1928. 924 p.
- Unbegaun 1969 — Drei Russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts von B. O. Unbegaun. *Slavische Propyläen*. Bd. 55. 1969. 308 p.
- Večerka 1993 — Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax II: Die Innere Satzstruktur*. Unter Mitarbeit von Felix Keller & Eckhard Weiher. Freiburg: U. W. Weiher. 411 S.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2020 г.

Статья рекомендована в печать 14 мая 2021 г.

Anna S. Smirnova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russia
asmirnova@spb.iling.ru

The specifics of the use of the pronoun pair *sei* — *onyi* in the works of M. V. Lomonosov

For citation: Smirnova A. S. The specifics of the use of the pronoun pair *sei* — *onyi* in the works of M. V. Lomonosov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (3): 609–620. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.311> (In Russian)

Based on the National corpus data of the Russian language and especially on Mikhail Lomonosov's texts, the article focuses on a pronoun pair *sei* — *onyi*. In the Church Slavonic and in the Middle Russian language these pronouns were used in the deictic and substitution (anaphoric) function. The pronoun pair *sei* and *onyi* in a phrase or period indicates a juxtaposition or opposition of objects and these pronouns are used in a substitution function. Closer attention to these pronouns in Lomonosov's works and translations makes it possible to notice one feature that is not fixed in dictionaries and grammars, the peculiarity of using this pair of pronouns in anaphoric function: *sei* replaces the last (nearest) mentioned object and *onyi* replaces the first mentioned one. Rare examples of such use are also found in the translated texts of the Church Slavonic and Middle Russian corpus. Similar examples are found in the body of Lomonosov's texts not only in his translated texts, but also in his self-translations and own

Russian works (in prose and poetry). As the examples illustrate, the use of the pronominal pair *sei — onyi* in Lomonosov's texts was influenced by the pronominal pair *hic — ille* in the classical Latin. By borrowing and developing the Latin model of pronouns Lomonosov sought to combine the Russian language with the Latin element in order to show the relationship of the Russian language with the ancient one and their cultural equality.

Keywords: Lomonosov, syntax, history of the Russian language, Latin, pronouns.

References

- Борковский, Кузнецов 2006 — Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. *Historical Grammar of the Russian Language*. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 512 p. (In Russian)
- Вайан 1952 — Vayan A. *Guide to the Old Church Slavonic language*. Borodich V.V. (transl.). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1952. 447 p. (In Russian)
- Костин, Николаев 2013 — Kostin A.A., Nikolaev S.I. An Unaccounted Source of Lomonosov's Rhetoric (Radau M. "Orator extemporaneus"). *Chteniia ot dela russkoi literatury XVIII veka*. № 7: 41–53. (In Russian)
- Кузьмина 2012 — Kuz'minova E. A. *The Development of Grammar Thought of Russia in 16–18th century*. Moscow: Maks Press Publ., 2012. 467 p. (In Russian)
- Майоров 2004 — Maiorov A. P. Demonstrative Pronouns in the Business Language of 17–18th centuries. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. 2004, 2 (8): 224–239. (In Russian)
- Мещерский 1995 — Meshcherskii N. A. *Selected works*. Meshcherskaia E. N. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1995. 367 p. (In Russian)
- Плунгян 2018 — *Materials for Corpus Grammar of the Russian Language*. Plungian V. A., Stoinova N. M. (ed.). III. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2018. 472 p. (In Russian)
- Успенский 2008 — Uspenskii B. A. *Around Trediakovskii*. Moscow: Indrik Publ., 2008. 608 p. (In Russian)
- Чапаева 2017 — Chapaeva L. G. Disputes about the Pronouns "sei" [this] and "onyi" [that] as a Fact of a History of Russian Culture and the Literature Language of 18–19th centuries. *Slověne*. 2017, (2): 347–364. (In Russian)
- Ягич 1885–1895 — Jagić V. *The Russian Language Studies*. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografia imperatorskoy akademii nauk, 1885–1895. 1067 p. (In Russian)
- Knight, Tilg 2015 — Knight S., Tilg S. (eds.) *The Oxford Handbook of Neo-Latin*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 614 p.
- Stolz 1928 — Stolz F., Schmalz J. H. *Lateinische Grammatik. Laut- und Formenlehre. Syntax und Stilistik*. Neu bearbeitet von M. Leumann, J. B. Hofmann. München, 1928. 924 p.
- Unbegaun 1969 — *Drei Russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts von B. O. Unbegaun*. Ser.: *Slavische Propyläen*. Bd. 55. München: Fink, 1969. 308 p.
- Večerka 1993 — Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax II: Die Innere Satzstruktur*. Unter Mitarbeit von Felix Keller & Eckhard Weiher. Freiburg: U. W. Weiher. 411 p.

Received: March 24, 2020

Accepted: May 14, 2021